
НГУЕНГ КУИНЬ МАЙ,

И. Н. АЛМАШИ

Межрегиональная Академия управления персоналом, г. Киев

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И МОДЕРНИЗАЦИИ В ЕВРАЗИИ

Наукові праці МАУП, 2011, вип. 1(28), с. 59–67

После падения “железного занавеса” в Евразии получили развитие субрегиональные группировки. Здесь идет поиск эффективного принятия решений по усилению регионального сотрудничества на рубежах цивилизаций. Региональное пространство там рассматривается как зона согласованных измерений и зона разногласий. Это предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национальной суверенитета, наднациональности, постнациональности.

Существует несколько способов классификации теорий принятия политических решений. Так, А. Дегтярев разделяет теории принятия политических решений с точки зрения их “холизма” или, напротив, “индивидуализма”, иначе говоря, с точки зрения того, оказывает ли решающее влияние на процесс принятия решений структура политической системы, или же ее отдельные элементы играют здесь значительную роль [1].

В англоязычной литературе ее процессуальный характер подчеркивается лишь введением слова “*process*” [2] в исследуемую категорию либо использованием причастия “*policymaking*” [3]. В некоторых случаях можно отметить также вольно или невольно используемое авторами для подчеркивания процессуального характера принятия решений выражение “*policy-making process*” [4], хотя оно и выглядит тавтологическим. При таком подходе к классификации теорий принятия внешнеполитических решений различия между дескриптивными и нормативными теориями становятся менее важными. Таким образом, эти исследователи признавали, что трансформации могут подвергаться не только политические институты и актеры, участвующие в принятии решений, но и сам процесс принятия решений.

Аналогично отношения между агентом и структурой, иначе говоря, противоречия между

сторонниками холизма и индивидуализма в теории принятия решений также становятся менее значимы по мере признания способности к трансформации в процессе принятия решений как индивидуальных актеров и политических институтов, так и политических систем в целом. Основоположником бихевиористского подхода к изучению процесса принятия политических решений считается Г. Лассуэлл [5]. Г. Лассуэлл предполагал, что роль того или иного индивида в процессе принятия политических решений следует оценивать с учетом методологического багажа психологии и психоанализа.

На признании значимости обратной связи основывается теория политического цикла, предполагающая, что процесс принятия политических решений происходит в четыре замкнутых между собой этапа. На первом этапе обозначается политическая проблема, причем неважно, происходит ли это под влиянием общественного мнения, лоббистских структур или иным способом. На втором этапе проблема трансформируется в проект политического решения. На третьем этапе принятое решение претворяется в жизнь. Наконец, четвертый этап и представляет собой обратную связь, которая также может выражаться комбинацией изменений общественного мнения и позиций заинтересованных групп. Важно отметить, что по мере перехода от одного этапа к

другому трансформируются не только политические взгляды чиновников и политиков, непосредственно участвующих в принятии данного решения, но и позиции заинтересованных групп, а также общественное мнение.

К числу статических теорий принятия политических решений можно отнести и теорию рационального выбора, которая на протяжении целого ряда лет считалась одной из доминирующих не только в теории принятия политических решений, но и в социальных науках в целом. В основе этой теории лежат три посыла [6]. Во-первых, предполагается, что все актеры имеют статичный набор представлений относительно результатов тех или иных действий. Естественно, что этот набор представлений является субъективным, и различные актеры могут иметь разные представления о результатах одних и тех же действий. Во-вторых, актеры имеют также статичные представления о предпочтительности тех или иных последствий своих действий. В-третьих, они оптимизируют свои действия, выбирая те, которые, в соответствии с присущей данному актеру системой представлений, приведут к наиболее предпочтительному результату.

Теория групповой репрезентации не только рассматривает статичные заинтересованные группы в качестве основного объекта исследования в анализе процесса принятия политических решений; в рамках этой теории действует и неомарксистский подход, пытающийся сделать ее еще более статичной и рассматривать в качестве объекта исследования определенные классы, якобы играющие доминирующую роль в процессе принятия решений. Институциональный подход к процессу принятия внешнеполитических решений предполагает, что ни одно государство не может строить свою политику в целом, в том числе в отношении того или иного региона. Процесс принятия решений ограничен существующими международными режимами и институтами. Применительно к политике государства в отношении конкретного региона на первый план выходят региональные институты.

В связи с новой ролью восточноазиатских стран в мировом контексте особую актуальность приобретает проблематика, связанная с процессами модернизации и политической трансформации в регионе. Успешный экономический рост в этом незападном регионе мира заставляет задуматься о том, существуют ли объективные предпосылки для специфической восточноазиатской модели модернизации (как экономической, так и политической) и в чем состоят характерные чер-

ты и особенности страновых моделей (китайской, японской, корейской, сингапурской, тайваньской и др.).

Понятие системности в политике позволяет предложить несколько аналитических классификаций политических систем, которые делятся на классификации двух основных типов — эволюционные и морфологические [7]; они, в свою очередь, распадаются на линейные, бинарные и координатные [8]. По формам правления можно выделить авторитарно-тоталитарные и демократические политические системы, или авторитарный, плюралистический и тоталитарный типы политических систем; по типу политической культуры — англо-американскую, европейско-континентальную, доиндустриальную и частично индустриальную, а также тоталитарную политическую системы; народные, племенные, бюрократические, авторитарные, согласительные (конкурентные олигархии и плюралистические демократии), мобилизационные (популистская и элитистская) политические системы (классификация Ч. Эндрейна) и т. д.

При всей сложности различных классификаций политических систем классификация по формам правления и типам государственного устройства является наиболее простой и логичной. В такой классификации по объективным критериям выделяются теократические государства, а далее также тоталитарные, авторитарные и демократические. Разделение политических систем на тоталитарные, авторитарные и демократические идет как по объективным, так и по субъективным параметрам, что привносит в эту классификацию проблематику категории “двойных стандартов”.

При незначительных противоречиях между интересами государства (правительства) и интересами общества государство может квалифицироваться как современное национальное государство и как демократия, а при значительных (максимальных) противоречиях как тоталитарное государство. Таким образом, различие между тоталитарным и авторитарным государством состоит по степени противоречий между государственными и общественными интересами, причем в тоталитарном государстве такие противоречия принимают экстремальный характер. По сравнению с другими моделями государства в разных формах современной демократии (либерального и нелиберального, западного и незападного типа), различия между государственными и общественными компонентами национального интереса сведены к минимуму, но баланс их различен, в за-

висимости от того, о какой форме демократического правления идет речь.

Если приложить общие теоретические положения теории демократии к странам, то становится ясно, что в Восточной Азии существует наименьшая в Азии и Африке поляризация моделей правления, что, по-видимому, способствует формированию компромисса различных политических сил по поводу общего вектора политической и экономической модернизации региона.

Евразия, в которой проживает около 75 % мирового населения и на долю которой приходится около трех четвертей известных новых энергетических запасов, занимает осевое положение на геополитической карте мира. Здесь одна из ключевых позиций принадлежит Восточной Азии, которая стала самым динамично развивающимся регионом в современном мире. Темпы роста каждой из национальных экономик региона превосходят аналогичные темпы в США и странах ЕС. О грандиозных успехах, достигнутых странами региона, свидетельствуют следующие данные.

К 1950 г. это соотношение как бы перевернулось в обратной пропорции: если на Запад приходилось 56 % мирового валового продукта, то на Азию — всего лишь 19 %. Если при этом учесть разницу в численности населения развитого и развивающегося миров, станут очевидны огромные масштабы разрыва между ними.

В последующие десятилетия имела место тенденция к постепенному сокращению этого разрыва: уже в 1992 г. доля Азии в мировом валовом продукте возросла до 33 %, в то время как доля Запада сократилась до 45 %.

В 90-е годы минувшего и первые годы нынешнего века этот разрыв еще более сократился. Согласно прогнозам Института международного развития Гарвардского университета, сделанным уже после начала “азиатского кризиса” 1997 г., к 2025 г. на Азию придется 55–60 % общемирового валового продукта, а на Запад — всего лишь 20–30 %.

Однако некоторые эксперты утверждают, что уже сейчас на Азию приходится 60 % физического производства. Судя по складывающейся ситуации, в обозримой перспективе Азия останется одним из самых динамично развивающихся регионов земного шара. Четыре из 10 самых экономических развитых стран мира будут азиатскими. Это Япония, Корея, Китай и Индия.

По параметрам покупательской способности валовой внутренней продукт Восточной Азии уже больше, чем и США, и Европейского союза. В этой связи следует учесть, что увеличение

численности населения Китая и Индии наряду с негативными последствиями, связанными с демографическими, миграционными, экологическими и иными проблемами, может иметь своим следствием дальнейшее расширение масштабов их экономик, что сулит новые рынки для Японии и новых индустриальных стран. Этот момент будет иметь все возрастающее значение по мере сокращения относительных масштабов спроса в развитой зоне мира.

Об успехах восточно- и южноазиатских стран свидетельствует факт накопления ими огромных золотовалютных резервов. По имеющимся данным, объем этих резервов достиг около 2 трлн долларов. Здесь лидером является Япония с ее более чем 800 млрд долларов. За ней следует Китай, который аккумулировал более 400 млрд долларов, ежемесячно добавляя к ним по 10–15 млрд долларов. Даже Индия, в 1991 г. не имевшая ни цента, ныне может похвастаться 117 млрд долларов.

В рассматриваемом плане немаловажное значение имеет факт прогрессирующего сокращения периода, необходимого для удвоения объема национального дохода в расчете на душу населения. Великобритании на это понадобилось 58 лет (с 1780 г.), США 47 лет (с 1939 г.), Японии — 33 года (с 1880-х годов), Индонезии — 17, Южной Кореи — 11, Китаю — 10 лет. Такое экономическое процветание является результатом не просто введения свободно-рыночных отношений, но также правильного социального экономического выбора.

Доминантой, определяющей характер ситуации в регионе, является ориентированность большинства государств на широкомасштабные экономические реформы и наличие реальных предпосылок для их осуществления. В этой связи страны, выпадающие из общерегиональной тенденции стабильного и достаточно быстрого экономического развития, объективно находятся в менее выгодных условиях для полноценного включения в процесс тихоокеанского сотрудничества, в том числе в сфере формирования структур военной безопасности.

Страны Восточной Азии глубоко вовлечены в так называемую “новую экономику”, хотя они все еще отстают в этом плане от более развитых стран. В 1999 г. в восточноазиатской пятерке количество интернет-пользователей было вдвое меньше, чем в Бразилии или Мексике, и составляло лишь 5 % от общего числа пользователей в Гонконге, Тайване и Сингапуре. И хотя рынок Интернета и мобильной связи рос в Восточной

Азии приблизительно на 40 % ежегодно, в Бразилии и Мексике он показывал рост в 50 %, что частично было вызвано более глубокими реформами и большей конкуренцией в секторах телесвязи этих стран. В широком ходу для этого явления используется такой термин, как “восточноазиатское экономическое чудо”.

В то же время необходимо учитывать, что особенность экономик всей Восточной Азии и ее место в глобальной экономике делают страны этого региона довольно уязвимыми перед возможными протекционистскими мерами со стороны ведущих мировых экономических держав. Немаловажную роль играет нехватка у большинства стран региона энергоресурсов. Несмотря на свою экономическую жизнеспособность, Восточная Азия пока продолжает оставаться в большой зависимости от внешних рынков сбыта своей продукции, а также от обеспечения энергетическими ресурсами, которые находятся, как правило, за пределами самого региона. По прогнозам компании “Тексако”, к 2010 г. спрос на нефть в Китае и остальной Азии должен возрасти в шесть раз по сравнению с Европой. Угрозу всеобщей безопасности представляют истощение природных ресурсов во многих странах, деградация окружающей среды, неконтролируемый рост населения.

В становлении и развитии экономики этих стран отчетливо прослеживались черты так называемого “догоняющего развития”, или “догоняющей модернизации”. Эта модель способна вывести на магистральный путь экономического и социального прогресса и в то же время создать острова, анклавов современной жизни в отсталых странах. В качестве примеров последних можно привести Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро в Бразилии, большие города Мексики, Бомбей и несколько островов “зеленой” революции в Индии, Стамбул и ряд больших городов Турции, Москву и Санкт-Петербург в России, отличающиеся образом жизни, и состоянием сознания от российской провинции.

Разумеется, наиболее характерный пример “догоняющей модернизации” дают новые индустриальные страны. Сочетание целого комплекса благоприятных факторов вплоть до середины 90-х годов обеспечивало особую продолжительность и интенсивность промышленного подъема этих стран. К примеру, по некоторым данным, Тайвань за период с 1952 по 1993 г. увеличил объем ВВП в 170 раз, а оборот внешней торговли — в 534,6 раза. Среднегодовые темпы экономического роста составили 8,7 % при сохранении низкого уровня инфляции — 3,6 %. Высокие тем-

пы роста в 90-е годы демонстрировали Южная Корея — 8 %, Сингапур — около 8, Малайзия — более 9 % в год и т. д. Ежегодный доход средне-статистического жителя Сингапура составил в 1995 г. 22,3 тыс. долларов. США, то есть выше, чем в Великобритании, бывшей метрополии. По прогнозам международных экспертов, Восточная Азия, участвуя в глобальных процессах мира, может перегнать к 2010 г. по объему валового национального продукта Западную Европу, а к 2020 г. — Северную Америку.

Еще одним сценарием возможного развития событий может быть фрагментация (термин, введенный Дж. Розенау и означающий сочетание процессов интеграции и фрагментации), предполагающая формирование и укрепление (интеграцию) блоков и союзов “национальных государств” в виде сложных иерархических систем, которые и поведут борьбу за скудеющие ресурсы. Сценарий “локализации” предполагает консолидацию этнических и цивилизационных образований на основе фундаменталистских идеологий, проводящих политику культурной изоляции как суррогатной формы социальной и культурной нетерпимости. Это делает невозможным формирование глобальной цивилизации, поскольку в экономике будут доминировать тенденции восстановления традиционных (автаркических) способов ведения хозяйства, в том числе и под флагом защиты окружающей среды и необходимости экономии природных ресурсов. Существование широкого спектра коллективистских идентичностей (трайбализм, фундаментализм, национализм, фашизм, социализм, коммунизм, коммунитаризм, феминизм, экологизм), отличающихся друг от друга степенью радикализма, заведомо порождает ситуацию культурного плюрализма, постоянно нарушаемую притязаниями на исключительность отдельных форм социальной идентификации, то есть войнами. В сфере культуры реализуется мегатенденция изоляции, обусловленная стремлением к самосохранению различных культурных ареалов с их партикуляристскими системами.

Модернизация (приближение к современности) в регионе воспринимается не как вестернизация, а именно неизбежность движения государственных образований в сторону западной модели развития, а как особый путь развития, в ходе которого осуществляется синтез западного политического опыта (демократии), норм конституционного либерализма и автохтонной политической культуры во всем ее конкретном конфессиональном, страновом, региональном

своеобразии (Вестминстерская модель и кастовая система в Индии; буддийская государственность и демократия в Шри-Ланке; доминантная роль либерально-демократической партии в Японии; особая роль исламского конфессионального параметра в Малайзии и синкретической идеологии панчасила, ограничивающей ислам и обеспечивающей конфессиональный плюрализм при мягком доминировании ислама в Индонезии; ограничения некоторых свобод и наличие доминантного харизматического политического лидера (ментора-наставника) в Сингапуре; китаизированный марксизм, внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом административном уровне, упор на законность и конфуцианскую этику в КНР). Подавляющее число политических режимов в этом макрорегионе — демократии, нестабильные демократии и конституционные монархии, они и задают общий вектор регионального развития. Режимов с другим вектором политического развития — жестко авторитарным либо военным правлением — меньшинство. Именно поэтому с таким вниманием страны “Большой Восточной Азии” отнеслись к недавнему военному перевороту в Таиланде, справедливо посчитав, что возвращение к практике вмешательства военных в политический процесс может вернуть соблазн использовать этот метод для разрешения политического или экономического кризиса в тех странах, которые, казалось бы, отходят от применения на практике такой модели (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы и др.).

В этом макрорегионе имеется наибольшее количество незападных демократий, то есть стран, сумевших осуществить синтез демократических принципов и конституционного либерализма с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества и, в отдельных странах, — государства. Именно среди этих стран находятся те, которые показывают наиболее впечатляющий региональный (и мировой) экономический рост (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), причем этот рост осуществляется не на основе мобилизационной модели развития, а на основе модернизации как особого, синтетического пути, не западного и не мобилизационного типа. Собственно говоря, только эти страны и смогли превратиться из развивающихся в развитые и догнали Запад фактически по всем параметрам, невзирая на свой географический или демографический размер, ресурсную обеспеченность и т. д., изменив экономическую и политическую карту мира. Теперь, когда к такому типу развития

присоединяется Китай, Восточная Азия начинает превращаться в центр мирового экономического роста XXI ст.

Китай все же пока представляет собой особый случай в регионе. Эта страна сохранила свою специфическую политическую культуру в виде китаизированного марксизма, к началу XXI ст. синтезировав ее с некоторыми положениями трансформированной и модернизированной традиционной политической культуры и конфуцианством (в частности, этическими представлениями) [9]. На локальном уровне начат эксперимент с прямыми выборами, в то время как на верхнем введены элементы конституционного либерализма (верховенство закона, конституционное признание и судебная защита частной собственности, частично — разделение властей, частично и ограниченно — свобода слова и собраний). Такая модель “демократии участия” приблизила страну к модели нелиберальной и, одновременно, незападной демократии, обеспечила успех проведения экономической модернизации. В конечном счете, судьба построения этой модели в Китае будет зависеть от успеха воплощения в жизнь провозглашенной концепции построения “гармоничного общества”, в центр которой поставлен конкретный человек.

Регион Юго-Восточной Азии — своеобразная политическая “сердцевина” Большой Восточной Азии, — охватывает одиннадцать современных государств — Индонезию, Малайзию, Таиланд, Вьетнам, Филиппины, Мьянму, Лаос, Сингапур, Бруней, Камбоджу и Тимор-Лесте. Эти государства весьма разнообразны. Среди них такие крупные даже по мировым масштабам страны, как Индонезия, Вьетнам, Таиланд, и мельчайшие государства — Сингапур, Бруней, Тимор-Лесте. Есть среди них и республики, и монархии. Ряд стран региона имеет современную развитую экономику (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия), а некоторые причисляются к “несостоявшимся государствам” (Мьянма, Камбоджа, Лаос, Тимор-Лесте).

Практически все государства региона (кроме Мьянмы) имеют в своей политической структуре демократические черты, принципы и институты. Однако не все страны можно причислить к демократическим, в разных странах демократические черты и институты в различной степени воздействуют на общественно-политическую жизнь.

При этом во всех государствах региона демократические модели и институты зачастую отличаются от либеральных моделей и институтов, как их привыкли видеть в странах Запада, поскольку

ку либерально-демократические элементы при заимствовании подвергаются деформирующему воздействию местных политических культур.

Регион Юго-Восточной Азии характеризуется этноконфессиональной и цивилизационной мозаичностью, поскольку явился перекрестком, местом встречи индийской, китайской, исламской и западной цивилизаций. Здесь живут приверженцы всех основных мировых религий — ислама, христианства, буддизма, индуизма, конфуцианства, а также местных анимистических верований. Их исторические судьбы во многом складывались неодинаково. Тенденции и процессы демократизации начались в разных странах региона в разное время, были вызваны различными причинами, имели несходные предпосылки и стартовые ситуации, протекают неодинаково и приводят к отличающимся результатам. И все же демократические тенденции и процессы в Юго-Восточной Азии в целом аналогичны, имеют общие основные принципы и черты. В основе этого сходства лежат идентичные цивилизационные характеристики.

Юго-Восточная Азия (ЮВА) имеет более или менее единое природное и этнолингвистическое пространство, которое породило более или менее сходный культурный слой. Наложившиеся на него индуистско-буддийская, конфуцианская и исламская цивилизации радикально не изменили автохтонный слой, а придали его основным принципам лишь внешнюю индуистско-буддийскую, исламскую или конфуцианскую окраску, в результате чего всем региональным сообществам присущи примерно одинаковые социальные и политические черты.

Совпадают и реакции на вызовы извне. Одной из них является отношение к другим цивилизациям, их религиям и политическим моделям, основанное на непризнании их исключительности, на которую, как правило, претендует каждая из великих цивилизаций Востока и Запада. Такой подход влечет за собой терпимость, но не податливость. Религиозную многослойность и вытекающую из этого феномена терпимость можно считать специфической особенностью региона [10].

Важнейшей чертой является рыхлость и неустойчивость элит. Для обществ ЮВА характерны подвижные, непостоянные сети личных (или личностных) связей в большей степени, чем отношения, опосредованные членством в стабильных безличных группах или принадлежностью к безличным статусам. При этом все общество глубоко пронизано иерархическими связями, но это сумма бинарных межличностных связей

господства, подчинения и зависимости, построенных на взаимности (патрон-клиент). Лидер-патрон, сильный человек — центр целой сети зависимостей. Решающим фактором его силы служит его должность — просто близость или принадлежность к аппарату власти. Легитимируется и осознается это лидерство в категориях доминирующего сакрального (“харизма”, “удача”) и морального, более рационального меритократического объяснения (“карма”, “заслуга”, “благодетель” и др.). Родство играет системообразующую роль в социально-политических культурах региона. Не пройдя через тотальную модернизацию социальной структуры, народы региона вошли в современность с непоколебимым значением родственных связей.

Для отношений власти в регионе характерна смена устойчивой ориентации на консенсус и “пацифизм” вспышками неконтролируемого насилия. Несмотря на различия в государственном устройстве средневекового Вьетнама, заимствовавшего китайско-конфуцианскую модель, и остальных государств региона, относившихся к индо-буддийскому типу, все политические культуры региона имели сходные черты. Характер властных отношений определяли не столько формальные институты, ранги и титулы, нормы права, сколько личностные отношения лояльности и зависимости. При этом государство сохраняло сакральный смысл, восходящий к обожествлению правителя в той или иной степени и форме. Из этого вытекает такая черта, как сакрализация власти, отсутствие противостояния светской и духовной сфер, доминирование политического над сакральным. Было очевидно, что власть правителя выше и что именно она имеет абсолютно ясную религиозную санкцию и религиозную функцию. Правитель (царь, президент, премьер) сохраняет харизму образца, экстраординарных качеств и покровителя. Высшая власть всегда воспроизводит систему покровительства. Смена правителя не изменяет этого постоянного принципа покровительства, но приводит всегда к очень существенной смене персонального состава элит — клиентельных групп.

Социальные традиции базировались на представлениях, что в иерархии хозяйственных занятий торговля никогда не была и не обладает и сейчас высоким статусом. Что касается ремесла и бизнеса в широком смысле слова, то традиции проявляются в том, что бизнес только тогда сопрягается с высоким статусом, когда он так или иначе связан с властью и государственным аппаратом. Трудовая этика в обществах Юго-Вос-

точной Азии характеризуется, как правило, невысокой оценкой физического труда. Труд как таковой не рассматривается в качестве источника социального статуса, богатства. Потребительство преобладает над накопительством. Нарочитое, показное расточительство является характерной чертой жизни элиты.

Труд воспринимается как коллективное действие, редко как индивидуальное занятие или призвание. Источником экономической состоятельности и социальной защищенности считается включенность в широкую сеть родственных и межличностных связей, а не индивидуальное предпринимательство. Богатство мыслится как обилие связей, как широта включенности в родственные или клиентельные группы, соотносится с влиянием и властью неэкономического характера.

Основные черты социально-политической культуры народов Юго-Восточной Азии не были серьезно поколеблены в период утверждения колониального господства западных держав. Воздействие либеральной демократии на политическую культуру региона хорошо соотносится с предложенной С. Хантингтоном концепцией о трех волнах демократизации [11].

Первая волна демократизации, в результате которой демократические режимы утвердились в основных государствах Европы и Америки, затронула Юго-Восточную Азию лишь косвенно и в незначительной степени. Причинами этого явились колониальная и полуколониальная зависимость стран региона, а также докапиталистический характер национальной экономики и социальной структуры.

Несмотря на то что колониальные державы — Великобритания, Франция, Голландия, США — стали к началу XX ст. считать себя образцовыми консолидированными демократиями, они не спешили переносить демократические общественно-политические модели, структуры и институты в свои колонии. Колониальное управление оставалось жестко централизованным и авторитарным, представительные органы с участием местного населения отсутствовали. Колониальные власти всеми мерами препятствовали возникновению общественно-политических институтов, которые могли бы способствовать формированию гражданских обществ в колониях и полуколониях.

И хотя либерально-демократические периоды в разных странах длились разное время, а конкретные причины и обстоятельства установления авторитарного правления были неодинаковы, можно выделить общие для всех названных

стран предпосылки отката от демократии к авторитаризму. Основных было две. Первая и главная причина заключалась в устойчивости традиционной политической культуры с ее стремлением к сохранению социально-политической гармонии в обстановке развернувшейся острой борьбы за власть, раздела и передела собственности, централизмом, представлениями о государстве и обществе как организованных вокруг личности правителя, персонализмом, вытекающим из харизматического характера лидерства, взаимоотношениями патрон—клиент, иерархизмом, пассивностью масс. Эти черты традиционной политической культуры плохо совмещались с характерными для либерально-демократической модели принципами свободы личности и вытекающим отсюда индивидуализмом, социальным равенством, выборностью, критическим отношением общества к власти и контролем над ней, с чем неразрывно связано наличие официальной оппозиции, несогласной с политикой властей [12–20].

АСЕАН — явление во многом уникальное и знаковое для Евразии. Она возникла в 1967 г. в составе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин. В 1984 г. к ним присоединился Бруней, а в 1995 г. было принято во многом знаковое решение о приеме в состав Ассоциации Вьетнама, за которым последовали Лаос, Мьянма и Камбоджа. Таким образом, АСЕАН превратилась в “десятку” и сегодня является одной из наиболее авторитетных региональных организаций.

За четыре с лишним десятилетия своей деятельности АСЕАН накопила немалый опыт выработки коллективных подходов к решению насущных проблем региона, создала широкую сбалансированную систему диалоговых партнерств с ведущими мировыми игроками, включая Россию, США, Китай, Индию, Японию, Австралию, Евросоюз. Сегодня Ассоциация с 580-миллионным населением входящих в нее стран, совокупным ВВП 1,5 трлн долларов, внешнеторговым оборотом 1,7 трлн долларов и развитой системой зон свободной торговли с ключевыми экономическими партнерами фактически утвердилась в качестве сильного полюса регионального притяжения.

Именно асеановский формат позволяет странам ЮВА эффективно отстаивать коллективные интересы, вести равноправный диалог с международными партнерами. Ассоциация выступает в качестве своего рода ядра таких влиятельных объединений, как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), форум “Азия — Европа”

(АСЕМ), механизмов “АСЕАН+3” (Китай, Республика Корея и Япония) и восточноазиатских саммитов (АСЕАН плюс Китай, Республика Корея, Япония, Индия, Австралия и Новая Зеландия).

На современном этапе перед АСЕАН стоит задача поиска новой идентичности в формирующемся многополярном мире и закрепления своей роли в региональных интеграционных процессах на фоне появления новых центров силы в АТР. В этой связи для “десятки” большую значимость приобрели вступление в силу в 2008 г. Устава АСЕАН и постановка задачи создания к 2015 г. высокоинтегрированного Сообщества АСЕАН [21].

Таким образом, происходящие в мире на протяжении последних полутора-двух веков процессы демократизации напрямую воздействуют и на Юго-Восточную Азию. Однако эти процессы проявляются и преломляются в регионе иначе, чем в Европе, Америке, других частях Азии или в Африке. Главные направления и специфические черты демократической трансформации политических структур государств Юго-Восточной Азии, особенности их формирования и функционирования определяются социально-политическими ценностями, типичными для политических культур всех народов региона. Конкретный региональный и страновой материал, структурированный в соответствии с концептуальными положениями, показывает, что именно регион “Большая Восточная Азия” является важнейшим мировым полигоном выработки модели политической модернизации, дающей удачный синтез демократических форм правления (то есть определенной формы участия всего народа в управлении государством) и особенностей функционирования автохтонной политической культуры (то есть общих закономерностей и региональной/цивилизационной специфики), результирующих, соответственно, в моделях впечатляющего экономического роста (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Индия, Китай). В Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Китай) опытным путем была найдена удачная сущностная форма политической модернизации, которая укрепляла и ускоряла экономическую модернизацию: сначала создание экономической базы (с внешней помощью или с опорой на собственные силы в зависимости от конкретных условий конкретной страны) и законодательное введение экономического либерализма, потом все более широкое, но постепенное и одновременно жесткое законодательное введение норм

конституционного либерализма, затем постепенная дальнейшая демократизация в зависимости от способности политической культуры конкретного общества “переваривать” и осваивать политические изменения. Важно отметить, что во всех странах Восточной Азии, которые добились экономического процветания, формы и скорость осуществления этой модели были различными, но базисные параметры оставались неизменными. Исключения из этой модели касаются только стран с импортированной моделью демократии (Индия, Япония), да и то детальный анализ индийского опыта выхода на высокие темпы экономического роста скорее подтверждает, чем опровергает это положение.

Изучение с точки зрения политической теории формирования специфики модели “западной демократии азиатского типа”, то есть национальной конституционно-либеральной демократии (Япония, Тайвань, Сингапур, Индия, Малайзия, Шри-Ланка), а также моделей эволюционной трансформации нелиберальных демократий (авторитарных республик либо конституционных монархий) и демократий участия (плебисцитарных демократий) в западные демократии (Таиланд, Китай), возможно, даст ключ к нахождению путей формирования такой модели и в других странах (в частности, в России). Естественно, что баланс факторов, составляющих существо этой модели, в других странах будет, скорее всего, не таким, как в Японии, Сингапуре, Индии, на Тайване, в Китае и др., подобно тому как соотношение этих факторов также различно и в самих этих странах.

Литература

1. *Десятьев А. А.* Принятие политических решений. — М.: КДУ, 2004. — С. 85.
2. *Hill M.* The Policy process in the Modern State. London; New York: Prentice Hall / Harvester Wheatsheaf, 1997. — 301 p.
3. *Anderson J.* Public Policymaking: An Introduction. Boston: Houghton Mifflin, 2003. — 282 p.
4. *Lindblom C., Woodhouse E.* The Policy-Making Process. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1968. — 277 p.
5. *Lasswell H.* Power and Personality. New York: Norton, 1948. — 157 p.
6. *Chai S. K.* Choosing an Identity: A General Model of Preference and Belief Formation. — P. 5–6
7. *Политическая наука в России / Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский.* — М.: МОНФ, 2000. — С. 225–228.
8. *Сморчков Л. С.* Современная сравнительная политология. — М.: МОНФ, 2002. — С. 170–171.

9. Воскресенский А. Д. "Большая Восточная Азия": Мировая политика и энергетическая безопасность. — ЛЕНАНД, 2006. — 128 с.
10. Деопик Д. В. Историческое становление цивилизации региона Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия как перекресток цивилизаций: материалы научной конференции. Москва, 21–22 апр. 2004 г.; ИМЭМО РАН. — М.: ИМЭМО РАН, 2004. — С. 5–12.
11. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.-Norman: University of Oklahoma Press, 1991. — 324 p.
12. Левтонова Ю. О. Филиппины и США. 200 лет противостояния, компромиссов, партнерства. — М.: Наука: Восточ. л-ра, 1993. — 252 с.
13. Толмачев Н. А. Социальные аспекты национально-этнических проблем развивающихся стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины), 1960–1980 гг.: Аннот. библиогр. указ. / [Сост. Н. А. Толмачев]. — М.: ВГБИЛ, 1984. — 152 с.
14. Сумский В. В. Фердинанд Маркос. Зарождение, эволюция и упадок диктатуры на Филиппинах / Рос. акад. наук. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М., 2002. — 201 с.
15. Индонезия, Малайзия, Филиппины: Сб. материалов по культуре Нусантары, 1994/95 акад. год / О-во "Нусантара", С.-Петербург. гос. ун-т; Вост. ф-т. [Сост. и ред. А. К. Оглоблин]. — СПб.: Б. и., 1995. — 367 с.
16. Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Филиппины, Малайзия: Сб. материалов, 1996/97 акад. год / О-во "Нусантара", С.-Петербург. гос. ун-т, Вост. фак.; [Сост. и ред. А. К. Оглоблин]. — СПб.: О-во "Нусантара": СПбГУ, 1997. — 196 с.
17. Беюпимирова Н. Н., Дольникова В. А. Камбоджа и Таиланд: Тенденции политического развития (1980–2000). — М.: ИСАА МГУ, 2007. — 307 с.
18. Кобелев Е. Вьетнам: политике "дои мой" — 20 лет // Проблемы Дальнего Востока. — 2007. — № 1. — С. 52–60.
19. Мазырин В. М. О соблюдении гражданских свобод во Вьетнаме // Юго-Восточная Азия в 2005 г.: актуальные проблемы развития. — М.: ИВ РАН, 2006. — С. 193–216.
20. Гуревич Э. М. Сингапур: идеология успеха. Юго-Восточная Азия: идеология и религия. — М.: ИВ РАН, 2001. — 225 с.
21. Россия и АСЕАН могут многое сделать вместе. — Статья Министра иностранных дел России С. В. Лаврова находится на сайте <http://www.interaffairs.ru/read.php?item=434>

В современном мире регион может стать проводником сверхнациональной идентичности и интеграционной политики или же национальной (националистической) политики и дезинтеграционной политики и антиглобалистских решений, то есть регион может возникать как особая пространственно-временная конструкция в определенной ипостаси мирового порядка, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические, геоэкономические и этноконфессиональные) могут содержаться в концепциях суверенитета, безопасности, в усилении или ослаблении этнического начала.

У сучасному світі регіон може стати провідником наднаціональної ідентичності й інтеграційної політики чи національної (націоналістичної) політики й дезинтеграційної політики й антиглобалістських рішень, тобто регіон може виникнути як особлива просторово-часова конструкція у певній іпостасі світового порядку, а варіанти освоєння регіонального простору (в тому числі геополітичні, гео економічні й етноконфесійні) можуть знаходитися в концепціях суверенітету, безпеки, у посиленні чи ослабленні етнічної основи.

Надійшла 29 січня 2011 р.